

К ВОПРОСУ О ХАРАКТЕРЕ И ЗНАЧЕНИИ КОЛЧАКОВСКОЙ ПРОПАГАНДЫ В ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 16-03-00421.

Рассматривается дискурс пропагандистской системы колчаковского режима. Ядром идеологического обеспечения деятельности колчаковцев был этатистский национализм, основанный на аффекте страха. Он вызывался угрозой гибели русской нации, исходившей от большевиков. Но эта пропаганда была малоэффективной из-за абстрактного языкового кода. Националистический дискурс транслировался на чуждом для населения языке и был далек от интересов людей.

Ключевые слова: Гражданская война; колчаковский режим; кадеты; пропаганда; идеология; национализм; периодика; аффекты; эмоции.

Одним из самых излюбленных сюжетов по истории Гражданской войны в России является диктатура адмирала А.В. Колчака. На основе работ В.И. Ленина в советской историографии утвердилось представление о кадетской партии как о «главном политическом штабе контрреволюции» [1. С. 329]. Советские историки считали, что идеологический фронт борьбы колчаковцев с большевиками определяли члены партии Народной Свободы – кадеты, называвшие себя «партией государственного переворота», или «партией 18 ноября». В этой связи Н.Г. Думова отмечала: «Члены партии “народной свободы” составляли ближайшее окружение Колчака на протяжении всего периода его правления, они возглавляли пропагандистскую машину колчаковщины» [2. С. 366].

Представление о ведущей роли либералов в лагере сибирской контрреволюции было унаследовано современными отечественными историками. В.Г. Хандорин, констатируя поражение колчаковцев на идеологическом фронте, пишет: «Можно сказать с определенностью: *национальную идеологию*, которая могла бы стать достоянием *альтернативной* большевизму в глазах широких масс народа, выработать не удалось, хотя насущная необходимость ее осознавалась кадетами, и для этого у них было *больше* шансов, чем у других партий. Их преобладающая роль в белом движении определялась политической гибкостью, “надклассовыми” лозунгами, направленными на консолидацию антибольшевистских сил. Однако ни военные вожди этого движения, ни окружавшие их политические интеллектуалы не сумели решительно повернуть к нуждам народа. На практике разрабатывали не столько *идеологию*, которая имела бы под собой прочную духовную основу и могла бы *спланировать*, сколько *программу*, основанную на *компромиссе*, который никого по-настоящему не удовлетворял» [3. С. 366].

Западные историки отрицают исключительную роль кадетов в колчаковской политической системе. Так, Джонатан Смайл настаивает на военном характере режима и ведущей роли в нем военных: «Правительство Колчака, несмотря на кадетов, министров и чиновников, юридическую и конституционную атрибутику, сенат и другие погрешности имперской системы, которые можно было бы продемонстрировать внешнему миру, было по своему духу военным правитель-

ством; до такой степени, что большая часть Сибири управлялась либо прямо, либо косвенно армией... Его цели были вполне определенными в военном плане, подлинным смыслом его существования было военное поражение большевизма» [4. С. 53].

В значительной степени именно благодаря военным, до революции воспитывавшимся в императорской армии на основе идеологемы «За Веру, Царя и Отечество», идейной основой антибольшевистской пропаганды в колчаковской печати стал русский национализм. Исследователи Е.В. Луков и Д.Н. Шевелев следующим образом характеризуют его пропагандистские основы: «Формулой выражения “национально-государственной” идеи для лидеров белого движения стал лозунг “Россия единая, великая и неделимая”, воплощавший, по их мнению, “пробуждение когда-то мощной, но давно задавленной русской стихии... пробуждение русской народной гордости, русского патриотизма, русской любви к прошлому, русского самосознания”. Теоретики контрреволюции полагали лозунг “Россия единая, великая и неделимая” серьезным противосилом интернациональным устремлениям коммунистической идеологии. Редактор “Отечественных ведомостей” А.С. Белевский-Белоруссов, к примеру, был убежден, что “одного противопоставления национализма достаточно, чтобы поднять дух населения против большевиков”. Поэтому в идеологической доктрине белого движения ему отводилось центральное место, а его пропаганде придавалось первостепенное значение» [5. С. 173]. Фиксируя факт сущностной основы русского национализма в идеологическом обеспечении колчаковского режима и его крах, историки не дали развернутой характеристики особенностей его дискурса и тех эмоций, которые он вызывал у большинства населения, что является целью данной работы.

Говоря об идеологическом обеспечении колчаковского режима, следует обратить внимание на два обстоятельства. Во-первых, как было сказано выше, «преобладающая роль в белом движении кадетов» в ходе Гражданской войны вызывает возражение. Белое движение – это движение военных. В этой связи исследователь В.Ж. Цветков, характеризуя суть «колчаковского переворота», пишет: «Он утвердил модель военно-политического управления, ориентированного на скорое и победоносное, как представлялось ее со-

здателям, окончание гражданской войны. В этом проявилось также окончательное выделение белого движения из антибольшевистского фронта» [6. С. 21–22]. В результате переворота 18 ноября 1919 г. военные взяли в Сибири власть. Как нами отмечалось, «... в Омске, столице Белой Сибири, сложился своеобразный “военный русский национализм”, не имевший ничего общего с классической кадетской либеральной моделью общественно-политического переустройства России. Националистическая колчаковская идеология была рассчитана на людей, для которых национальное чувство “русскости”, чувство принадлежности к великой русской культуре в дни революции и Гражданской войны не обесценились» [7. С. 21–22]. Военная элита Белой Сибири, наряду с политической элитой, играла важную роль в идеологическом обеспечении деятельности режима, используя для этого военную периодическую печать.

Во-вторых, участвовавшие в организации и поддержавшие колчаковский переворот либералы эволюционировали в национал-либералов и националистов, сделав основным лозунгом своей деятельности идею защиты интересов русской нации [8. С. 139]. Из них выделилась группа интеллектуалов, которые в условиях военной диктатуры активно занимались разработкой концепта русского национализма с целью его пропаганды в массы. К ней относились В.Н. Пепеляев, Н.В. Устрялов, В.А. Жардецкий, А.С. Белевский-Белоруссов и некоторые другие политики Белой Сибири. Таким образом, взгляды военной и политической элит Белой Сибири солидаризировались на националистической платформе. Кадетские и военные газеты стали своеобразными лабораториями по разработке и трансляции националистического дискурса.

Следует подчеркнуть, что русский национализм колчаковского режима генетически происходил из русского национализма начала XX столетия и унаследовал его характеристики. Главной из них было отсутствие четко сформулированной идейной платформы, разделяемой большинством интеллектуалов, разработавших идеологию русского национализма. Исследователь русского дореволюционного национализма А.В. Репников в этой связи отмечает, что «он не представлял собой нечто оформленное, а слова “Россия для русских”, к которым апеллировали представители разных течений консервативной, традиционалистской и националистической мысли, можно было наполнить любым содержанием» [9. С. 321]. Интеллектуалы, осуществлявшие идеологическое обеспечение деятельности колчаковского режима, не могли опереться на общепринятые в рамках русского националистического дискурса идеи и ценности. Поэтому постепенно разрабатывались идейные основы деятельности режима с опорой на исторические традиции Российской империи, исходя из текущей внутриполитической и внешнеполитической обстановки.

Придя к власти, А.В. Колчак лаконично продекларировал свои намерения: «Главной целью ставлю создание боеспособной армии, победу над большевизмом и установление законности и правопорядка, дабы народ мог беспрепятственно избрать себе образ правления, который он себе пожелает, и осуществить великие идеи свободы, ныне провозглашенные по всему

миру» [10. С. 212]. 19 ноября 1918 г. В.Н. Пепеляев записал: «Ночью неопределенно для себя попал к адмиралу. Составляли вместе с ген[ералом] Андогским и полк[овником] Лебедевым обращение к населению. Было несколько проектов, написанных офицерами, и проект незаконченный самого Колчака. Составили новый краткий. Колчак сказал, что обращение нужно немедленно для союзников, причем они хотят, чтобы было сказано о демократии, отсутствии реакционных намерений и об армии» [11. С. 62]. Эта запись из дневника В.Н. Пепеляева отражает два значимых нюанса для понимания сути политического режима в Белой Сибири: значительную роль военных, которые при участии правых кадетов с первых дней определяли идеологию режима, и зависимость режима от иностранных государств.

Немаловажную роль в том, что с первых дней существования режима его идеологическое обеспечение наполнилось лозунгами национализма, сыграл сам лидер Белой России. Уже 28 ноября 1918 г., беседуя с представителями печати, А.В. Колчак призвал отказаться от Учредительного собрания, дискредитировавшего себя, заменив его Национальным собранием, которое «изберет образ государственного правления, соответствующий национальным интересам России» [12]. Националистический дискурс постоянно транслировался вождем белого дела. Высказанная А.В. Колчаком идея была последовательно реализована председателем подготовительной комиссии по разработке вопросов о Всероссийском Представительном Собрании учредительного характера А.С. Белевским-Белоруссовым. На заседании комиссии 2 июня 1919 г. он сделал предложение об изменении названия комиссии, предложив ее название – «Комиссия по созыву Национального Собрания» [13]. Отредактированное заявление А.С. Белевского-Белоруссова было широко распространено Российским телеграфным агентством в печати в следующем виде: «Это Учредительное собрание должно быть *национальным*, т.е., во-первых, чуждым каких-либо интернационалистических тенденций, а во-вторых, по своему составу будет организованным представительством всей *нации* как культурно-исторического образования» [14]. Изменяя название будущего законодательного органа, контрреволюция старалась повлиять на общественное сознание, выдвигая на первый план интересы нации, пытаясь затенить ими социальные противоречия. Даже уже после поражения белого движения интеллектуалы из колчаковского окружения продолжали верить, что национализм можно было успешно противопоставить большевистской идеологии. Н.В. Устрялов заявлял в печати: «Русская интеллигенция боролась против большевиков по многим основаниям. Но главным и центральным был в ее глазах мотив **национальный**. Широкие круги интеллигентской общности стали врагами революции потому, что она разлагала армию, разрушала государство, унижала отечество. Если бы не эти национальные мотивы, организованная **вооруженная** борьба против большевиков с самого начала была бы беспочвенна, а вернее, ее бы и вовсе не было» [15. С. 21].

Основу политической элиты Белой Сибири составляли представители кадетской партии. Ведущей кадетской газетой края была омская «Сибирская речь». Исследователь А.Н. Никитин охарактеризовал значение газеты: «Она принадлежала к “столичной прессе”, участвовала в формировании “большой политики”» [16. С. 40]. Г.К. Гинс отмечал, что главный редактор газеты В.А. Жардецкий имел «большое влияние на дела» в Омске, был «фанатиком диктатуры и великой России». Главным недостатком Жардецкого, по мнению Г.К. Гинса, являлась «отвлеченность мышления, мешавшая ему быть реальным политиком» [10. С. 234].

Отвлеченность от интересов населения и политических реалий была особенностью содержания пропаганды колчаковского режима, связанной и с личностями его интеллектуалов. В редакционной статье программного характера «Наш манифест», вышедшей в первом номере решающего для исхода Гражданской войны в России 1919 г., «Сибирская речь» выразила кредо большинства партийных организаций региона. «Мы – “Сибирская речь” – орган русской, ныне в России гонимой национальной идеи. Мы исповедуем Россию единую, нераздельную, великодержавную, в ее границах, до войны существовавших, за исключением Царства Польского, которое по справедливости должно отойти к воссоединяемой Польше, но с присоединением единоплеменных к нам народов Австро-Венгрии. В пределах державы российской мы признаем право на культурное самоопределение входящих в состав российской нации отдельных народностей». В толковании газеты российская (русская) нация имела культурную основу и была полиэтничной (многоплеменной). В этой же статье говорилось о роли русской культуры при формировании «многоплеменной русской нации»: «Культурой господствующей, общегосударственной культурой для нас непоколебимо является культура русская, основоположником которой является великорусское племя, а углубителями и дальнейшими творцами – в интимном содружестве – все племена России, органично влившиеся в состав Российской нации» [17].

Такой взгляд на русский национализм был официально принят в качестве политической доктрины на Третьей конференции восточных отделов кадетской партии, проходившей 20–21 мая 1919 г. в Омске. В тезисах по тактическому докладу сибирские кадеты выразили свое понимание существа русской нации, подчеркнув ее полиэтничный характер, особую роль русской культуры и православия: «14. Подтверждая принцип духовного и политического единства русской нации, при ее разноплеменном составе, партия борется за верховенство русской культуры как великого исторического государственно связующего начала. 15. Принимая во внимание, что одной из основных созидующих сил национальной русской культуры является православие, конференция считает обязательной бережную заботливость русского государства о православной церкви, исконной верной хранительнице исторического бытия и духовного лика России» [18. С. 89].

Взгляды военной элиты Белой Сибири были выражены в Приказе Верховного Правителя № 170 от

26 июля 1919 г., в котором А.В. Колчаком доводились до армии уточненные цели белой борьбы. Этот достаточно объемный приказ опубликован и проанализирован исследователем С.Э. Зверевым. Приведем выдержку из документа, свидетельствующую о том, что в основу белого дела был положен национализм: «Мы ведем борьбу за Русское национальное дело – дело восстановления нашей Родины как свободного, единого и независимого государства. Мы ведем борьбу за право самого народа, путем свободных выборов и голосования в Учредительном Национальном Собрании, определить свою судьбу в устройстве государственной власти и в удовлетворении потребностей земледельцев в земле и рабочих условиями и обстановкой труда. Чуждые религиозной нетерпимости, мы ведем борьбу за то, чтобы никто не смел посягать на наши древние и чтимые народом святыни и нашу веру» [19. С. 78]. Наряду с решениями майской кадетской конференции, указанный приказ позволяет утверждать, что к середине 1919 г. интеллектуалы колчаковского лагеря сформулировали националистический концепт режима, принятый военной и политической элитами в качестве политической программы. Национализм колчаковского режима носил религиозный характер. Это станет предпосылкой для объявления режимом в конце лета – начале осени 1919 г. «крестового похода против большевиков», выразившегося в попытке организации религиозного добровольческого движения. Движение дружин Святого Креста в Белой Сибири по своей сути было воинственным национально-религиозным ответом на воинственный атеизм и интернационализм большевиков [20. С. 10].

Необходимо подчеркнуть, что большинство колчаковцев являлись государственниками. В этой связи исследователь Н.И. Наумова справедливо отмечает: «Государство и государственность выступали для белогвардейцев и как самостоятельная ценность, и как инструмент решения важных общественных проблем» [21. С. 42]. Государство и нация являлись основными элементами дискурса белого движения. В этой связи следует учесть теоретическое суждение Дениэле Конверси о том, что «внутренняя природа национализма связана с государством, и национализм не может мыслиться в стороне от процессов, тесно связанных с подъемом современного национального государства. Поскольку государство является наиболее универсальной формой организации политической власти, национализм наравне с ним становится самой универсальной идеологией в современном мире» [22. С. 75]. В Гражданской войне в России и белые, и красные были государственниками. При этом в основе идеологического конструкта белых был национализм, в то время как красные противопоставляли национализму белых интернационализм. Представители противоборствующих сторон хорошо осознавали это отличие. В частности, глава внешнеполитического ведомства колчаковского правительства И.И. Сукин, использовал для характеристики белого движения выражения «национальное движение» и «национальное дело» [23. С. 325, 409].

Национализм колчаковского режима являлся идеальным примером этатистского национализма. Интеллектуалы разрабатывали его идейное содержание, ведя пропаганду среди читателей на страницах периодики. В популярной в лагере сибирской контрреволюции газете «Отечественные ведомости» ее редактор, известный общественный деятель А.С. Белевский-Белоруссов, обосновывал связь национализма с государственной идеей. Он писал: «Очевидно, принципы революционного интернационализма и классовый борьба являются принципами ложными, общественно вредными и подлежащими замене. Замена чем? Принципом общественной солидарности и национального интереса, то есть идеей нации. А так как нация – современная культурная нация – может жить и развиваться только в формах государственных, так как только государственно организованная нация может усиленно защищать свои интересы и сохранить должное равновесие между классовыми и групповыми интересами, то вместе и одновременно с идеей нации выдвинулась на первый план и идея государства – государственная идея» [24]. В националистическом дискурсе колчаковцев над Отечеством был поднят национальный русский флаг. Как писала газета «Русская речь» в передовой статье, «национализм как явление историческое неизбежен, и он придет в результате культурного освящения русской жизни и русской общечеловечности, когда гражданственность и право положат основы единству нации. И когда воскреснет народ в “сознании” этого единства, тогда национализм обретет те здоровые формы, которые он как творческий фактор в истории в себе носил. Без национализма – нет народа» [25].

Русский национализм возник в лагере сибирской контрреволюции как реакция на интернационализм большевиков. В основе колчаковского русского национализма лежало простое противопоставление: «мы – русские, они – интернационалисты». Соответственно, пресса убеждала читателя в том, что «мы – свои, они – чужие». Центральная военная газета «Русская армия» представляла читателю противоборствующие в Гражданской войне лагеря так: «С одной стороны стоит Россия национальная и все те, кто с ней, с другой – интернациональные бандиты, авантюристы, люди с уголовным прошлым и политические мечтатели, которые думают путем террора насадить счастье на земле» [26]. В типичной для белой пропаганды статье с броским заголовком «Звериный интернационализм» томская газета «Русский голос» убеждала в читателя: «Мертвая природа стремится к однообразию, движется по своим механистическим законам. Все живое единично, все живое живет по своему собственному закону. Иначе – оно не живое; потеряв свое “лицо”, оно умирает. В мире вещей остается только внешний облик когда-то жившего существа. Так и с народом. Интернационализм, сводящий все к единству и однообразию – теория механистическая, под которую никогда не удастся подогнать жизнь народа. Мы пробовали – и пожинаем плоды. И если не вовсе умер наш народ – то потому, что не повсюду проникла зараза, мертвящее начало. Остались живые места – и они по-

служат основой, в которой возрастет крепкая и сильная русская Россия. Только в чувстве национальности, в сознании своей особенности черпает народ силу противостоять всяким испытаниям» [27]. Противопоставляя интернационализм национализму, автор статьи пытался вызвать у читателя страх возможной смерти русского народа и гибели России вследствие заражения его интернационализмом. Колчаковский этатистский национализм был основан на аффекте страха.

В рамках анализа перспектив «аффективного поворота» в гуманитарных и общественных науках философом А.В. Нехаевым на основе теории Давида Юма описана роль аффектов в практике. Представляя аффекты как явление коллективное социальное, а эмоции как личностное индивидуальное, А.В. Нехаев аргументированно утверждает: «Аффект – первичное данное в том смысле, что *он есть первичное данное нам социальное*, требуемое, как мы уже выяснили, для учреждения всего того множества регулярных и единообразных практик, которое у нас имеется и о котором нам становится известно из опыта. Тенденция же чувствования есть не что иное, как ассоциирующее качество, необходимое нам для того, чтобы сделать возможной стабилизацию некой практики, обретающей свойственное ей единообразие благодаря фиксации аффектом своеобразной эмоциональной разметки внутри множества наших действий, следуя которой они и формируют привычный и знакомый нам из опыта облик практики. Строго говоря, для того, *чтобы действовать, аффекты не требуются, они нужны нам лишь для того, чтобы мы могли действовать единообразно*» [28. С. 30]. Данный концепт подходит для оценки националистического дискурса, используемого пропагандистской системой колчаковского режима.

Применительно к нацистроительству мы понимаем страх как коллективно разделяемое чувство внутри социальной группы, возникающее в результате реальной или воображаемой угрозы для ее духовных и материальных ценностей и предпочтений, исходящей от другой социальной группы. Основой белой пропаганды являлась представляемая печатью в разных ракурсах угроза потери русской культуры, русской веры, русской государственности в случае победы большевиков. В этой связи в передовой статье газета «Военные ведомости» представляла читателю текущий момент следующим образом: «Идет борьба культуры и за культуру с началами, культуре враждебными. В своем достигшем последнего предела напряжении эта борьба ставит решительный вопрос: быть или не быть всему тому, что создано русским национальным гением». Пропагандистский эффект от передовой статьи усиливался напечатанным в этом же номере газеты стихотворением Дмитрия Вифлиемского «В дни решающей битвы», где в последнем четверостишье подчеркивалось значение текущего момента, переживаемого страной:

«Одинока больная Россия,
Обреченный на гибель народ
Сквозь сомненья и стоны глухие
В дни решающей битвы зовет» [29].

Угроза гибели русской культуры, широко растиражированная колчаковской пропагандой, обусловила основы воспитательной работы в Белой армии. В этой связи приказом командира Прифронтовой кадровой бригады I Средне-Сибирского корпуса от 3 апреля 1919 г. командирам, отвечавшим за воспитание личного состава, предписывалось: «Задача воинского и гражданского воспитания заключается в развитии сознания солдата – гражданина православной России и в укреплении в сознании солдата воинских доблестей и долга перед Родиной, и в уважении к себе как к Русскому, который свято и честно исполнял и исполняет долг солдата перед Родиной. Внедрять в сознание, что честного, доблестного и непобедимого русского солдата взяли не силой оружия и в открытом бою, а при помощи шпионов и нарочно засланных людей – в результате чего офицер и солдат начали говорить на разных языках, и русский не стал верить русскому. Беседовать и внушать любовь к России – Родине своей, ко всему русскому, родному, национальному и напоминать, насколько мы себя не любим и не уважаем, что готовы быть рабами кого угодно, лишь бы нас не трогали. Обращать внимание на религиозную сторону воспитания, внушать солдату, что он прежде всего православный солдат, который не должен допускать издевательств над его верой и храмами, которые большевики превратили в театры» [30. Л. 108–109].

В приведенном фрагменте приказа, посвященном идейным основам организации воспитательной работы, обращает на себя внимание доминирование слов и выражений, образующих отвлеченный националистический дискурс, неясный для простого военнослужащего белой армии. Это вскоре косвенно было признано в приказе по корпусу от 29 апреля 1919 г., где командир корпуса констатировал, что «люди мало осведомлены о событиях настоящей войны. А на мой вопрос «почему коммунизм считается внутренний враг», никто мне положительного ответа не дал» [Там же. Л. 124]. Командир бригады, не удовлетворенный качеством воспитательной работы, не понимал причины этого. И вместо того чтобы искать какие-то новые формы работы и слова, понятные солдату, упорно продолжал воспроизводить в своих приказах отвлеченный националистический дискурс. В приказе от 2 июня 1919 г. он требовал: «Еще раз повторяю: воспитайте в стрелке патриота, любящего свою Родину, страдающего ее несчастиями и ненавидящего ее врагов и разрушителей. Таким врагом являются в настоящий момент большевики, поднявшие руку на все исконно русское: на наши нравы и обычаи, на русские церкви и православную веру, тем самым уничтожающие и вытравливающие русскую душу, русскую национальность, – большевики-ком-мунисты, которые разрушили все хозяйство на Руси, так как они враги хозяйства всякого отдельного лица. Зажгите в стрелках желание отомстить за Родину нарушителям наших традиций, нашего покоя – людям, которые чужды по духу всякому русскому человеку» [Там же. Л. 108–135]. Подобные идейные абстракции идеологов и пропагандистов колчаковского режима не были эффективны.

В дневнике колчаковского офицера капитана Колесникова содержалась красноречивая оценка качества пропаганды в военной печати белых: «Литература и пресса убоги и совершенно не соответствуют ни духу солдата, ни его пониманию, ни его укладу жизни. Сразу видно, что пишет барин. Нет умения заинтересовать, поднять дух, развеселить и непреложно доказать. Во главе прессы стоят люди, не только абсолютно не военные и далекие от солдат, но даже просто безграмотные в военной психологии, истории, не знакомые с душой солдата и его укладом жизни» [19. С. 72].

Генерал А.П. Будберг в своем дневнике также неоднократно критиковал пропагандистский аппарат режима. 31 мая 1919 г. он передал содержание письма с фронта подполковника Кронковскому епископу Андрею Уфимскому: «Неосведомленность войск о происходящем на фронте и в тылу поражающая; как пример приводится письмо одного солдата о том, что к ним приезжал “сознании какой-то аглицкий адмирал Кильчак, должно быть, из новых орателей, и раздавал папиросы”...» В конце письма автор письма просит епископа Андрея «организовать разумную пропаганду и осведомление в тылу – мысль совершенно верная, так как на фронте почти нет времени, чтобы проповедать и наставлять; это надо делать раньше, работая в самой гуще населения и в запасных частях, которые должны давать фронту здоровые и понимающие обстановку пополнения, разумно настроенные, хорошо осведомленные и приученные интересоваться всем происходящим дальше их собственного носа» [28. С. 92]. 1 июня 1919 г. А.П. Будберг снова сделал запись, посвященную организации пропаганды: «Верхние этажи нашего помещения заняты осведомительными органами ставки; народу толчется там тьма, а результаты их деятельности видны по вчерашнему письму Кронковскому и по тому, что я сам испытал, сидя в глубоком харбинском тылу. В осведомление набились всякие шкурники, безработные писаки, и все это очень усердно осведомляет Омск, заклеивая глупыми плакатами и бюллетенями все омские заборы, но не умеет и бессильно распространить свою деятельность туда, где в ней самая большая нужда» [31. С. 95].

Власти Белой Сибири оказались не в состоянии осознать истинные причины, по которым их пропаганда не находит должного отклика в рядах белой армии, списывая поражение в информационной борьбе с большевиками на плохо поставленную воспитательную работу. В этой связи адмирал А.В. Колчак выпустил уже упоминавшийся приказ № 170 от 26 июля 1919 г. В нем говорилось: «Ко мне поступают сведения, что во многих частях до настоящего времени остаются неизвестными цели и задачи, во имя которых я веду и буду вести с большевиками войну до полной победы. Отношу это явление, прежде всего, на крайне неудовлетворительную постановку дела осведомления частей на фронте» [19. С. 78]. Как мы видели на примере приказов по I Средне-Сибирскому корпусу, командиры предписывали своим подчиненным вести воспитательную работу на основе идей, исхо-

дивших от идеологов режима, стараясь воспитывать личный состав вверенных им подразделений. Руководители белого движения в Сибири оказались не в состоянии своевременно осознать, что армия плохо знает цели и задачи белой борьбы не только из-за того, что они в отдельных случаях не доводятся до личного состава. Воспитательная работа не приносила нужный эффект главным образом потому, что идеи неправильно подавались. Они не вызывали соответствующих чувств, порождая редуцированные эмоции.

Армия и народ в Белой Сибири в большинстве уже весной 1919 г. переставали верить государственной пропаганде. Этатистский национализм колчаковского режима мог быть эффективным только в случае массовой поддержки населением власти. Однако уже весной 1919 г. было очевидно, что большинство жителей Сибири относятся к ней либо равнодушно, либо оппозиционно. Это отражала печать. В обзоре правительственного бюро печати за 11–17 мая 1919 г. в качестве одной из тенденций общественной жизни в Белой Сибири отмечалась «рознь между властью и населением». В качестве свидетельства этого аналитики, готовившие обзор, приводили выдержку из газеты «Новая жизнь». В ней говорилось: «Государственная политика ведется в таком направлении, что разрушенная, казалось бы, перегородка между властью и страной вновь устанавливается, старое деление на “мы” и “они” продолжает быть основой этой политики, и не надо удивляться, что население перестает понимать интересы и нужды государства» [32]. В дневнике В.Н. Пепеляева в отношении чуждости белой государственности для большинства населения есть довольно показательная запись. Она была сделана в июле 1919 г. К этому времени белая армия потерпела серьезное поражение и нуждалась в реорганизации. В.Н. Пепеляев делает в дневнике запись о телефонном разговоре с братом, А.Н. Пепеляевым, являвшимся одним из наиболее успешных военачальников колчаковского режима: «Сегодня меня вызвал по прямому проводу из Тюмени Анатолий [Пепеляев]. Он почти безнадежно смотрит на положение, “если армия, которую нужно создавать снова”, не услышит от самого “народа” призыва к борьбе» [11. С. 96]. Эта запись иллюстрирует неверие бойцов белой армии пропаганде режима, призывы которого уже летом 1919 г. были малоэффективны. Призыва же от народа белая армия получить не могла, так как власть к тому времени уже дискредитировала себя в глазах большинства населения.

Результаты воздействия колчаковского национализма на бойцов Красной армии также были ничтожны из-за неудачного националистического дискурса, не действовавшего на красноармейцев. Приведем пример. Колчакоцы выпустили листовку с призывом к бойцам Красной армии с ярким названием-обращением «Стой красноармеец! Приди в себя!». В листовке содержалось националистически окрашенное обращение: «Одумайся, красноармеец! Сними с безумной отуманенной головы красноармейскую крышку и перекрести лоб! ТЫ – РУССКИЙ – ИДИ К НАМ, РУССКИМ!» [7. С. 7]. Как мог отреагировать

на такое обращение обычный красноармеец – русский крестьянин или рабочий? Такое обращение ему было совершенно непонятно, поскольку товарищи, окружавшие его, в большинстве также были русскими. В Гражданской войне в России русские воевали с русскими, поэтому содержащийся в листовке призыв не соответствовал тому, что было перед глазами у тех, кому он был адресован. Естественно, что подобная пропаганда не могла принести весомого результата.

Для объяснения неудачи белой пропаганды значима идея социолога Бэзила Бернштейна о «разветвленном» (elaborated) и «ограниченном» (restricted) языковых кодах. По мнению ученого, «в случае разветвленного кода говорящий будет выбирать из относительно широкого спектра альтернатив, и, следовательно, вероятность предсказания шаблона для организации элементов значительно снижается. В случае ограниченного кода число этих альтернатив часто сильно ограничено, а вероятность прогнозирования такого рода шаблона значительно увеличивается» [33. С. 58–59]. Разветвленный код является слишком абстрактным для пропаганды в социальных группах, не умеющих его распознавать и понимать. Поэтому он неэффективен как язык пропаганды. Применительно к распространению националистического дискурса об этом писали многие исследователи. В частности, Том Нэйрн одним из первых отмечал важность языкового кода: «Националистическая интеллигенция нового среднего класса должна была пригласить народные массы в историю, причем пригласительный билет должен был быть написан на понятном им языке» [34. С. 102]. Мирослав Хрох также указывал на то влияние, которое коды дискурса оказывают на широкие народные массы: «Для чешского либо эстонского крестьянина “свобода” означала отмену феодального “рэкета” и возможность беспрепятственно пользоваться землей на своей собственной ферме, то есть отнюдь не парламентский режим. Действительность общего языка и обычаев была гораздо более доступной для понимания, чем заумные концепции конституционной свободы» [35. С. 138]. Рассуждая по аналогии, отметим, что рядовые бойцы белой армии, красноармейцы и гражданское население в своем абсолютном большинстве не воспринимали основной идеологической конструкции националистического дискурса, исходившего от режима, – противопоставления «мы – русские, они – интернационалисты». Языковой код пропаганды белых для населения был слишком абстрактным и оторванным от окружающей людей действительности.

Оказавшийся волею судьбы в белой армии, учащийся коммерческого училища г. Томска А.В. Казаковцев 29 июля 1919 г., сражаясь на фронте в составе инженерного дивизиона 12-й Сибирской стрелковой дивизии, сделал в своем дневнике запись, отражающую восприятие событий Гражданской войны: «Бьют людей – молодые силы друг друга, и кто эти два врага – красные и белые, рабочие крестьяне и интеллигенция и наоборот, кому и что нужно, эх – не суди да не судим будешь. Сегодня опять вспоминаются томские девчата, как приятно иметь хорошенькую по-

дружку. Кутил бы теперь в Томске, а здесь вот прозябаешь» [36]. В объемном дневнике этого рядового белогвардейца, находившегося на фронте, нет упоминания об идеалах, которые пропагандировала власть. Вскоре после поражений белых в Гражданской войне Г.К. Гинс отметил: «Служение идее “Единой Великой России” было проникнуто каким-то религиозным мистицизмом. От служащих, от населения требовали жертв во имя этой идеи – и оставляли их полунищими. Лучшие шли и служили национальной идее, худшие уклонялись и обратились к наживе. В этот период мог за собой вести интерес, а не идеал» [10. С. 618].

Следует подчеркнуть, что национальная идея белого дела в значительной степени не соответствовала реальной внешней и внутренней политике колчаковского режима. Его внешнеполитическая зависимость от иностранных государств достаточно подробно рассматривалась и описана историками. В частности, у специалистов не вызывает сомнений то, что «интервенция иностранных государств на Дальнем Востоке проводилась в целях ликвидации советской власти и превращения дальневосточных областей в колонии США и Японии» [37. С. 172]. Принимая помощь иностранных «союзников», белые расплачивались национальным достоянием России. «Борьбе за Русское национальное дело», провозглашенной режимом А.В. Колчака, не соответствовала внешняя политика режима, зависимость от государств Антанты.

Защита интересов русского народа внутри колчаковского государства также была лозунгом, не подкрепленным реальной политикой. В регионах компактного проживания крупных сибирских народов, где остро проявлялись земельные противоречия между этими народами и русскими переселенцами, режим опирался на воинские формирования из бывших инородцев. Они участвовали в борьбе с красными партизанами – русскими крестьянами, пытавшимися отстаивать свои земельные интересы в споре с коренным населением. Межэтнический характер Гражданской войны в Горном Алтае подтверждается массовостью участия русских крестьян в партизанском движении против Колчака и массовом участии алтайских инородцев в борьбе с красными партизанами [38. С. 225]. В киргизской степи, подобно Горному Алтаю, складывалась противоречивая ситуация этнополитического противоборства, когда власть, борющаяся за воссоздание единой и неделимой России под лозунгами русского национализма, защищала инородческие воинские формирования, которые были сформированы киргизскими националистами с целью использования их для создания и защиты киргизской автономии. При этом их противники, русские крестьяне, воевали под интернациональными большевистскими лозунгами и в большинстве своем вели борьбу против казачества и киргизского национализма [Там же. С. 241]. Противоречие между идеей и практикой в деятельности колчаковского режима позволяет утверждать, что русский национализм, лежавший в основе идеологического обеспечения деятельности режима, не являлся концепцией, последовательно реализуемой в политической практике, позволявшей власти опираться на

поддержку населения. Это был националистический дискурс с аффективной практикой, направленный на мобилизацию населения для поддержки белого дела. Он не имел значительного успеха из-за несоответствия интересам большинства населения и слишком абстрактного языкового кода, на котором он транслировался в массы.

Довольно часто в печати Белой Сибири националистические абстракции против интернационализма содержали в себе элементы антисемитизма. Газета «Военные ведомости», связывая интернационализм большевиков с тем, что многие их руководители были евреями, писала: «Если взять еврейскую нацию, то из ее среды наибольшее количество интернационалистских политических агитаторов выделилось по причине, не имея Отечества, своей политической Родины, евреи по положению были космополитами» [39]. В качестве типичного примера пропаганды русского национализма при помощи антисемитизма можно привести и статью из газеты «Русская армия», называвшуюся «Русь православная и Россия Бронштейна». Она была обращена к православному читателю из народа. В статье образно говорилось: «Сняли с тебя твой русский кафтан, надели куцый “пиджак”, завили чуб по “новомодному”, а люди ходят и посмеиваются. Уж не русским ты стал, а “интернационалом”. <...> Сидит над тобой хозяином Бронштейн, он же Троцкий». Далее в статье содержался призыв: «Опомнись, православный, осени свою грудь широким крестом, размахнись богатырским размахом и дьявольское семя раздави под пятою» [40]. Такая отвлеченная от реалий абстрактная пропаганда не могла принести желаемый для идеологов колчаковского режима результат. Рядовые сторонники большевиков «не снимали кафтанов и не надевали пиджаков». Им пафос подобных статей был абсолютно чужд. Пропаганда русского национализма, связанная с противопоставлением русских другим народам, и в частности евреям, усиливала в их среде неприятие белого движения, способствуя успешному распространению большевизма и потенциально провоцируя ответный рост национализмов нерусских народов.

Еще Ханс Кон, осмысливая феномен национализма, отмечал, что в своем радикальном варианте национализм эволюционирует в фашизм – «тоталитарный национализм». Ученый писал об этом следующее: «Только фашизм, бескомпромиссный враг западной цивилизации, подтолкнул национализм к той самой черте, к тоталитарному национализму, в котором человечество и индивидуум растворяются, и не остается ничего, кроме национальности – единственной и единой» [41. С. 45]. Жесткое противопоставление в националистическом дискурсе «русских» всем остальным позволяет говорить о прерванной победой большевиков эволюции русского национализма в фашизм. Это одним из первых в эмиграции отметил активный участник белого движения в Сибири К.В. Сахаров, писавший: «Белое движение в самой сущности своей явилось первым проявлением фашизма» [42. С. 314]. Следует согласиться с исследователем Л.А. Молчановым, усмотревшим параллели у русского национа-

лизма белогвардейцев и немецких национал-социалистов и итальянских фашистов: «В адрес нерусских народов русские националисты высказывали упреки в том, что они способствовали краху российской государственности и распаду России. При этом ссылаясь на наличие в революционном движении большого количества нерусского населения, в первую очередь евреев. В размышлениях газетных публицистов этого направления видны черты, нашедшие свое воплощение в идеологии и политике итальянских фашистов и немецких национал-социалистов» [43. С. 9].

Начиная с 1990-х гг. в отечественной историографии и общественно-политическом дискурсе проявилась в значительной степени сохраняющаяся до настоящего времени тенденция героизации колчаковского режима. Историограф белого движения в Сибири Т.А. Немчинова отмечает, что «это привело к появлению новых исторических мифов, идеализации белого дела и открытого безапелляционного обвинения большевиков» [44. С. 187]. Следует помнить, что идеологи колчаковского режима вели общество к «тоталитарному национализму». Современным сторонникам колчаковщины следует признать, что в Белой Сибири постепенно вызревали идеи русского фашизма. Победа белых в Гражданской войне в России неизбежно привела бы к массовому террору в отношении сторонников красных и тоталитарному государству. И в этом отношении массовые политические репрессии, последовавшие после завершения Гражданской войны со стороны победителей по отношению к побежденным, были неизбежны вне зависимости от того, кто возьмёт верх – красные (безучастно

относившиеся к русской культуре, которые вели общество к «тоталитарному интернационализму») или белые (которые вели страну в «тоталитарный национализм»). В случае победы контрреволюции террор проводился бы под знаменами русского национализма. Это могло бы фатально подорвать стабильность межэтнических и межконфессиональных отношений внутри полиэтнической и поликонфессиональной России.

В ходе Гражданской войны в России информационное противоборство велось в виде борьбы идеологий – русского национализма белых с коммунизмом красных. Колчаковский военный русский национализм представлял собой типично этатистскую модель. В основу его был заложен аффект страха. Националистическая пропаганда пыталась вызвать у населения страх за гибель русской культуры, православной России и тем самым мобилизовать его на борьбу с врагами русского народа – большевиками. Но для большинства населения националистический дискурс, производимый белой пропагандой, был крайне абстрактным и порождал редуцированные эмоции. Он транслировался на чуждом основной массе населения языке, был далек от реальных интересов людей и не соответствовал тому, что было перед их глазами. Попытка мобилизовать население при помощи пропаганды, вызвав аффект страха, представив угрозу гибели русской культуры и государственности, оказалась непродуктивной. Эмоциональная составляющая в значительной степени определила поражение колчаковцев в идейной борьбе с большевиками за влияние на массы. Она стала одной из основных причин краха белого движения в Гражданской войне.

ЛИТЕРАТУРА

1. В.И. Ленин и история классов и политических партий в России. М. : Мысль, 1970. 519 с.
2. Думова Н.Г. Кадетская контрреволюция и ее разгром. М. : Наука, 1982. 415 с.
3. Хандорин В.Г. Идеино-политическая эволюция либерализма в Сибири в период революции и Гражданской войны. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2010. 368 с.
4. Smele J.D. 'What Kolchak wants': Military versus polity in White Siberia, 1918–20 // *Revolutionary Russia*. 1991. Vol. 4, № 1. P. 52–110.
5. Луков Е.Н., Шевелев Д.Н. Осведомительный аппарат белой Сибири: структура, функции, деятельность (июнь 1918 – январь 1920 г.) / под ред. д-ра ист. наук С.Ф. Фоминых. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2007. 184 с.
6. Цветков В.Ж. Белое дело в России. 1919 (формирование и эволюция политических структур Белого движения в России). М. : Посев, 2009. 635 с.
7. Сушко А.В. Военно-профессиональное сознание офицеров как источник русского национализма в белой Сибири // *Омский научный вестник*. 2013. Серия Общество. История. Современность. № 4 (121). С. 5–9.
8. Сушко А.В. Сибирская кадетская периодика об автономии Сибири и о сибирском областничестве (март 1917– ноябрь 1918 гг.) // *Вестник Томского государственного университета*. 2007. № 297. С. 136–140.
9. Патриотизм и национализм как факторы российской истории (конец XVIII в. – 1991 г.) / отв. ред. В.В. Журавлев. М. : Политическая энциклопедия, 2015. 783 с.
10. Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак. Поворотный момент русской истории. 1918–1920. М. : Айрис-Пресс, 2008. 672 с.
11. Дневник В.Н. Пепеляева 1918–1919 // *Окрест Колчака : документы и материалы* / сост. А.В. Квакин. М. : Аграф, 2007. С. 43–108.
12. Военные ведомости. 1918. 3 дек.
13. Государственный архив Иркутской области. Ф. Р-868. Оп. 1. Д. 51. Л. 6.
14. Военные ведомости. 1919. 11 июня.
15. Устрялов Н.В. В борьбе за Россию : сб. ст. Харбин : Окно, 1920. 82 с.
16. Никитин А.Н. Периодическая печать как источник по истории Гражданской войны в Сибири. Омск : Высшая школа милиции МВД РФ, 1991. 204 с.
17. Сибирская речь. 1919. 1 (14) янв.
18. Съезды и конференции конституционно-демократической партии : в 3 т. Т. 3, кн. 2: 1918–1920 гг. М. : РОССПЭН, 2000. 248 с.
19. Зверев С.Э. Военная риторика Новейшего времени. Гражданская война в России. СПб. : Алтейя, 2012. 376 с.
20. Сушко А.В. Использование колчаковским режимом религиозных чувств населения в годы Гражданской войны // *Омский научный вестник*. 2012. Серия Общество. История. Современность. № 5 (112). С. 7–10.
21. Наумова Н.И. Государство и государственность в идеологии белого движения // *История и современность : материалы заседаний Томского дискуссионного гуманитарного клуба*. 28 января 2001 г.: «Феномен власти в русском национальном характере» : сб. ст. Томск, 2002. С. 42–44.
22. Conversi D. Reassessing current theories of nationalism: Nationalism as boundary maintenance and creation // *Nationalism and Ethnic Politics*. 1995. Vol. 1, № 1. P. 73–85.

23. Записки Ивана Ивановича Сукина о Правительстве Колчака // За спиной Колчака : документы и материалы / А. Квакин ; под ред. А.В. Квакина. М. : Аграф, 2005. С. 325–510.
24. Отечественные ведомости. 1918. 29 нояб. (16 нояб.).
25. Русская речь. 1919. 8 февр.
26. Русская армия. 1919. 12 марта.
27. Русский голос. 1919. 8 нояб.
28. Нехаев А.В. Войны машин: *Machina Humana* // Социологическое обозрение. 2015. Т. 14, № 3. С. 9–47.
29. Военные ведомости. 1919. 8 февр.
30. Национальный архив Республики Саха (Якутия). Ф. Р-440. Оп. 1. Д. 3. Л. 108–109.
31. Будберг А.П. Дневник белогвардейца : воспоминания, мемуары. Минск : Харвест ; Москва : АСТ, 2001. 336 с.
32. Государственный архив Новосибирской области. Ф. П-5. Оп. 6. Д. 126. Л. 69.
33. Bernstein B. *Class, Codes and Control*. Vol. 1 : Theoretical Studies Towards a Sociology of Language. London : Routledge, 2003. 212 p.
34. Смит Э.Д. Национализм и модернизм : критический обзор современных теорий наций и национализма / пер. с англ. А.В. Смирнова, Ю.М. Филиппова, Э.С. Загашвили [и др.]. М. : Праксис, 2004. 464 с.
35. Хрох М. От национальных движений к полностью сформировавшейся нации: процесс строительства наций в Европе // *Нации и национализм*. М. : Праксис, 2002. С. 121–145.
36. Центр документации новейшей истории Томской области. Ф. 4204. Оп. 4. Д. 979. Л. 300.
37. Революция и Гражданская война в России: 1917–1923 гг. : энциклопедия : в 4 т. М. : Терра, 2008. Т. 2. 560 с.
38. Сушко А.В. Процессы суверенизации народов Сибири в годы Гражданской войны. 2-е изд., испр. и доп. М. : ЛЕНАНД, 2014. 376 с.
39. Военные ведомости. 1918. 18 дек.
40. Русская армия. 1919. 10 апр.
41. Кон Х. Идея национализма // Мифы и заблуждения в изучении империи и национализма. М. : Новое издательство, 2010. С. 27–61.
42. Сахаров К.В. Белая Сибирь (Внутренняя война 1918–1920 гг.). Мюнхен, 1923. 325 с.
43. Молчанов Л.А. «Собственными руками своими мы растерзали на клочки наше государство» : к истории антибольшевистской государственности периода гражданской войны (1918–1920 гг.). М. : Посев, 2007. 207 с.
44. Немчинова Т.А. Современная российская историография белого движения в Сибири. Улан-Удэ : ИПК ВСГАКИ, 2002. 189 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 6 августа 2016 г.

ON THE NATURE AND VALUE OF THE KOLCHAK PROPAGANDA IN THE CIVIL WAR

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2016, 411, 148–157.

DOI: 10.17223/15617793/411/20

Alexey V. Sushko, Omsk State Technical University (Omsk, Russian Federation); Omsk Tank-Automotive Engineering Institute (Omsk, Russian Federation). E-mail: Alexsushko@rambler.ru

Keywords: Civil War; Kolchak regime; Cadets; propaganda; ideology; nationalism; periodicals; affects; emotions.

The article dwells upon the discourse created by the Kolchak regime propaganda; it analyzes its character and population reactions to determine its prominence for the ideological support of activities of the White Siberia authorities. The ideology of the military dictate of Admiral Kolchak was developed by intelligentsia from the Cadet Party, with an active involvement of the military elite and Kolchak himself; and it was based on the historical traditions of the Russian Empire. The regime ideologists could not use generally acknowledged ideas and values of Russian nationalistic discourse because of the absence of a generally acknowledged essence of the Russian nation. That is why ideological reasoning for the regime was gradually developed based on current internal and external political environment. At a conference of the Cadet Party in Omsk, which took place in May 1919, the political elite of the White Siberia aligned the image of the Russian nation as of a multinational institution connected by supremacy of the Russian Orthodox culture. It was used for the propaganda of nationalism in anti-bolshevik print media and became a fundamental base for ideological education in the White Army. Kolchak's Russian nationalism represented a typical etatist model. It was based on the fear effect. Nationalistic propaganda tried to create the fear of the diminishing of Russian culture, of Orthodox Russia among the population and, this way, to mobilize people for a fight with the enemies of the Russian nation – the Bolsheviks. This propaganda was connected with the contraposition of Russians to other nations of Russia, for example, to Jews, and caused resistance to the White Movement among them, helping the rise of Bolshevism popularity and provoking, in turn, nationalism of non-Russian nations. The victory of counter-revolution could fatally destroy the stability of multicultural and multi-confessional relations in the multinational and multi-confessional Russian state. Ideologists of Kolchak's regime were leading Russian society to "totalitarian nationalism". The White Siberia became a cradle for Russian fascism. However, for the majority of the population the nationalistic discourse the White propaganda used was very abstract and created very little response. It was communicated in words hardly understandable for most of people, was far from their real interests, and hardly matched what they saw with their own eyes. An attempt to mobilize population by creating a fear effect, showing the risk of the fall of Russian culture and the state, was not really successful. The emotional factor played a very significant role in the failure of Kolchak's supporters in their ideological war with the Bolsheviks to influence the masses. It was one of the main reasons of the White Movement defeat in the Civil war.

REFERENCES

1. Kim, M.P. (ed.) (1970) *V.I. Lenin i istoriya klassov i politicheskikh partiy v Rossii* [Lenin and history of classes and political parties in Russia]. Moscow: Mysl'.
2. Dumova, N.G. (1982) *Kadetskaya kontrevolyutsiya i ee razgrom* [Cadet counter-revolution and its defeat]. Moscow: Nauka.
3. Khandorin, V.G. (2010) *Ideyno-politicheskaya evolyutsiya liberalizma v Sibiri v period revolyutsii i Grazhdanskoy voyny* [Ideological and political evolution of liberalism in Siberia during the Revolution and the Civil War]. Tomsk: Tomsk State University.
4. Smele, J.D. (1991) 'What Kolchak wants': Military versus polity in White Siberia, 1918–20. *Revolutionary Russia*. 4:1. pp. 52–110.
5. Lukov, E.N. & Shevelev, D.N. (2007) *Osvedomitel'nyy apparat beloy Sibiri: struktura, funktsii, deyatel'nost' (iyun' 1918 – yanvar' 1920 g.)* [The informative unit of the White Siberia: structure, function, activity (June 1918 – January 1920)]. Tomsk: Tomsk State University.
6. Tsvetkov, V.Zh. (2009) *Beloe delo v Rossii. 1919 (formirovaniye i evolyutsiya politicheskikh struktur Belogo dvizheniya v Rossii)* [The White matter in Russia. 1919 (the formation and evolution of the political structures of the White Movement in Russia)]. Moscow: Posev.
7. Sushko, A.V. (2013) *Voenno-professional'noye soznanie ofitserov kak istochnik russkogo natsionalizma v beloy Sibiri* [Military officers' professional identity as a source of Russian nationalism in White Siberia]. *Omskiy nauchnyy vestnik. Seriya Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost'* – Omsk Scientific Bulletin. *Society. History. Modernity*. 4 (121). pp. 5–9.

8. Sushko, A.V. (2007) Sibirskaya kadetskaya periodika ob avtonomii Sibiri i o sibirskom oblastnichestve (mart 1917– noyabr' 1918 gg.) [Siberian Cadet periodicals of Siberia autonomy and Siberian regionalism (March 1917 – November 1918)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 297. pp. 136–140.
9. Zhuravlev, V.V. (ed.) (2015) *Patriotizm i natsionalizm kak faktory rossiyskoy istorii (konets XVIII v. – 1991 g.)* [Patriotism and nationalism as a Russian history factors (end of the 18th century – 1991)]. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya.
10. Gins, G.K. (2008) *Sibir', soyuzniki i Kolchak. Povorotnyy moment russkoy istorii. 1918–1920* [Siberia, allies and Kolchak. The turning point in Russian history. 1918–1920]. Moscow: Ayris-press.
11. Kvakin, A.V. (ed.) (2007) Dnevnik V.N. Pepelyaeva 1918–1919 [Diary of V.N. Pepelyaev, 1918–1919]. In: *Okrest Kolchaka: dokumenty i materialy* [The neighborhood of Kolchak: documents and materials]. Moscow: Agraf.
12. *Voennye vedomosti*. (1918) 3 December.
13. State Archive of Irkutsk Oblast (GAIO). Fund R-868. List 1. File 51. Page 6. (In Russian).
14. *Voennye vedomosti*. (1919) 11 June.
15. Ustryalov, N.V. (1920) *V bor'be za Rossiyu: (sbornik statey)* [In the struggle for Russia: (collection of articles)]. Harbin: Okno.
16. Nikitin, A.N. (1991) *Periodicheskaya pechat', kak istochnik po istorii grazhdanskoy voyny v Sibiri* [Periodical press as a source for the history of the Civil War in Siberia]. Omsk: Higher School of Police of the RF Interior Ministry.
17. *Sibirskaya rech'*. (1919) 1 (14) January.
18. Kanishcheva, N.I. (2000) *S"ezdy i konferentsii konstitutsionno-demokraticheskoy partii: v 3 t.* [Congresses and Conferences of the Constitutional Democratic Party: in 3 vols]. Vol. 3, Book 2. Moscow: ROSSPEN.
19. Zverev, S.E. (2012) *Voennaya ritorika Noveyshego vremeni. Grazhdanskaya voyna v Rossii* [Military rhetoric of recent times. The Civil War in Russia]. St. Petersburg: Aleteyya.
20. Sushko, A.V. (2012) Ispol'zovanie kolchakovskim rezhimom religioznykh chuvstv naseleniya v gody Grazhdanskoy voyny [The Kolchak regime use of religious feelings of the population during the Civil War]. *Omskiy nauchnyy vestnik. Seriya Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost'* – Omsk Scientific Bulletin. *Society. History. Modernity*. 5 (112). pp. 7–10.
21. Naumova, N.I. (2002) Gosudarstvo i gosudarstvennost' v ideologii belogo dvizheniya [State and state ideology in the White Movement]. In: Kupert, Yu.V. (ed.) *Istoriya i sovremennost': materialy zasedaniy Tomskogo diskussionnogo gumanitarnogo kluba. 28 yanvarya 2001 g.: "Fenomen vlasti v russkom natsional'nom kharaktere"* [History and Present: materials of meetings of the Tomsk Humanitarian Discussion Club. January 28, 2001: "The phenomenon of power in the Russian national character"]. Tomsk.
22. Conversi, D. (1995) Reassessing current theories of nationalism: Nationalism as boundary maintenance and creation. *Nationalism and Ethnic Politics*. 1:1. pp. 73–85.
23. Kvakin, A. (ed.) (2005) Zapiski Ivana Ivanovicha Sukina o Pravitel'stve Kolchaka [Notes of Ivan Sukin on the Government of Kolchak]. In: *Za spinoy Kolchaka: dokumenty i materialy* [Behind Kolchak: documents and materials]. Moscow: Agraf.
24. *Otechestvennye vedomosti*. (1918) 29 November (16 November).
25. *Russkaya rech'*. (1919) 8 February.
26. *Russkaya armiya*. (1919) 12 March.
27. *Russkiy golos*. (1919) 8 November.
28. Nekhaev, A.V. (2015) Machine Wars: Machina Humeana. *Sotsiologicheskoe obozrenie – Sociological Review*. 14:3. pp. 9–47. (In Russian).
29. *Voennye vedomosti*. (1919) 8 February.
30. National Archive of the Republic of Sakha (Yakutia) (NARS (Ya)). Fund R-440. List 1. File 3. Pages 108–109. (In Russian).
31. Budberg, A.P. (2001) *Dnevnik belogvardeytsa: vospominaniya, memuary* [Diary of a White Guardsman: memories, memoirs]. Minsk: Kharvest; Moscow: AST.
32. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund P-5. List 6. File 126. Page 69. (In Russian).
33. Bernstein, B. (2003) *Class, Codes and Control*. Vol. 1. London: Routledge.
34. Smith, E.D. (2004) Natsionalizm i modernizm: kriticheskiy obzor sovremennykh teorii natsiy i natsionalizma [Nationalism and modernism: a critical review of modern theories of nations and nationalism]. Translated from English by A.V. Smirnov et al. Moscow: Praksis.
35. Khrokh, M. (2002) Ot natsional'nykh dvizheniy k polnost'yu sformirovavsheysya natsii: protsess stroitel'stva natsiy v Evrope [From the national movements to a fully formed nation: the process of nation-building in Europe]. In: Anderson, B. et al. *Natsii i natsionalizm* [Nations and Nationalism]. Translated from English by L.E. Pereyaslavtseva, M.S. Panin, M.B. Gnedovskiy Moscow: Praksis.
36. Documentation Center of the Modern History of Tomsk Oblast (TsDNITO). Fund 4204. List 4. File 979. Page 300. (In Russian).
37. Matveev, A. (ed.) (2008) *Revolutsiya i Grazhdanskaya voyna v Rossii: 1917–1923 gg.: entsiklopediya: v 4 t.* [Revolution and Civil War in Russia: 1917–1923: Encyclopedia: in 4 vols]. Vol. 2. Moscow: Terra.
38. Sushko, A.V. (2014) *Protsessy suverenizatsii narodov Sibiri v gody Grazhdanskoy voyny* [Processes of sovereignty of the peoples of Siberia during the Civil War]. 2nd ed. Moscow: LENAND.
39. *Voennye vedomosti*. (1918) 18 December.
40. *Russkaya armiya*. (1919) 10 April.
41. Kon, Kh. (2010) Ideya natsionalizma [The idea of nationalism]. In: Gerasimov, I., Mogil'ner, M. & Semenov, A. (eds) *Mify i zabluzhdeniya v izuchenii imperii i natsionalizma* [Myths and misconceptions in the study of empire and nationalism]. Moscow: Novoe izdatel'stvo.
42. Sakharov, K.V. (1923) *Belaya Sibir' (Vnutrennyaya voyna 1918–1920 gg.)* [White Siberia (Domestic war of 1918–1920)]. Munich.
43. Molchanov, L.A. (2002) "Sobstvennymi rukami svoimi my rasterzali na klochki nashe gosudarstvo": k istorii antibol'shevistskoy gosudarstvennosti perioda grazhdanskoy voyny (1918–1920 gg.) ["With our own hands we tore to shreds our state": the history of the anti-Bolshevik statehood during the Civil War (1918–1920)]. Moscow: Posev.
44. Nemchinova, T.A. (2002) *Sovremennaya rossiyskaya istoriografiya belogo dvizheniya v Sibiri* [Modern Russian historiography of the White movement in Siberia]. Ulan-Ude: IPK VSGAKI.

Received: 06 August 2016